

Двухтомное издание «Избранных работ по русскому языку» отражает основные направления научных исследований Е.И. Дибровой – специалиста в области лексической и фразеологической семасиологии, синтаксиса, лингвистики текста, диалектной и авторской лексикографии, текстологии М.А. Шолохова. В рецензируемом научном труде представлены теоретические исследования, выполненные автором с начала 1950-х гг. по настоящее время. «Избранные работы» отражают цельность лингвистического мировоззрения Е.И. Дибровой, методологической доминантой которого является стратификация языковых единиц и текстовых структур как отражение прагматически пристрастных речевых действий человека – писателя и читателя.

Первый том «Избранных работ» посвящен психофилологической параметризации текста и языку художественной прозы М.А. Шолохова. Во втором томе представлены наблюдения над системно-семасиологической структурой и динамикой русской лексики и фразеологии, а также семантико-синтаксический анализ фрагментов связного текста. Перейдем к более подробному рассмотрению разделов рецензируемого двухтомного научного труда.

В первом томе, имеющем самостоятельное название «Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл», рассматриваются фундаментальные проблемы лингвистического анализа художественного текста, в частности коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения, природа категорий художественного текста и их систематика, пространство текста и его композитное членение, жанровая специфика текста на примере почтовой, эпистолярной и дневниковой прозы.

Признавая художественный текст объектом междисциплинарного исследования, Е.И. Диброва выдвигает интегративную парадигму лингвистического постижения текста – культурфилологическую. «Культурфилология – наука о тексте, отражающем в себе стоящую за ним действительность, наука о понятийности понимания текста (...), наука о языковом репродуктивном истолковании текста, которое способствует адекватному осмыслению фрагмента картины мира, представленной в личностном, авторском видении, которое отражает мир своего времени, свои устои» (с. 16). В качестве базового способа расшифровки авторской мысли предлагается «психофилологический анализ смыслообразования», опирающийся на понимание чтения как сотворчества, с одной стороны, и на

дифференциацию «глубины» семантических трансформаций в диалоге автора и читателя, с другой. Согласно Е.И. Дибровой, «смысл может иметь различную глубину истолкования: это может быть первичный смысл (комбинаторика значений), смысл смысла (интерпретация комбинаторики) и даже сверхсмысл (глубинная степень истолкования)» (с. 21). Из этого вытекает множественность смысловых проекций текста, выражающаяся, в частности, в лексоцентрическом и текстоцентрическом состояниях семантики слова.

Особый интерес представляет построенная по дедуктивному принципу коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения, ориентированная на специфику создания художественного текста. При моделировании Е.И. Диброва учитывает три измерения – личность как социокультурный и эпистемически-прагматический фактор; содержание как информацию о внешнем мире в личностном отражении; способ выражения содержания как представление информации в характеристиках организации знания. В первом измерении текстопорождающего акта выделяются 7 параметров: социокультурный (общество), эпистемический (сознание), социопсихический (эмоции), когнитивно-концептуальный (знание), аксиолого-концепционный (мировоззрение), прагматико-поведенческий (мотивация) и самоактуализационный (деятельность); во втором измерении – 6 параметров: экзистенциальный (событие), денотативно-когнитивный (модель события), прагматико-коммуникативный (коммуникативная стратегия текста), когнитивно-динамический (сюжетность), ассоциативно-семантический (смыслопорождение) и субъективно-объективный (диктумная модусность); наконец, в третьем измерении – также 6 параметров: коммуникативный (общение), информативно-передающий (речевые акты), организационно-филологический (тип текста), поэтико-структурный (жанровость), семантико-структурный (композиция), стиливо-стилистический (идиостиль). В результате Е.И. Диброва приходит к тому, что коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения обладает 252 (т.е. $7 \times 6 \times 6$) аспектными характеристиками и что «в конечном итоге текст предстает (...) как огромное, многомерное пространство, где отражаются жизнь и деятельность личности и волны ее интерпретаций» (с. 39). Модель текстопорождения в сфере художественного творчества в ее схематическом изображении можно сравнить с тем «магическим кристаллом», сквозь который

филолог призван смотреть на имплицитные слои семантики текста. С этой же моделью связаны юмористические «постулаты текстуальности» (с. 40–41), сформулированные Е.И. Дибровой, ср. лишь один из так называемых постулатов художественности: «Художественный мир – поистине безбрежный, так не заблудись в нем».

Значительное внимание в первом томе уделено проблеме категорий художественного текста, решаемой на широком фоне философских и лингвогносеологических обобщений. По мнению Е.И. Дибровой, «обладая собственной отражательной устроенностью, диктуемой законами художественного познания и художественного представления действительности» (с. 65), текст характеризуется сложной категориальной структурой. В системе категорий художественного текста различаются онтологическая категория со-бытийности; атрибутивные категории со-бытийности: категории движения, пространства и времени; релятивные парные категории со-бытийности: категория автора и категория читателя; категория структуры (формы) и категория содержания; категория системы и категория компонента и т. д. Более подробно в книге рассмотрены категории связности и амбивалентности. В частности, новизна в подходе к категории связности состоит в том, что Е.И. Диброва трактует текстовую связность как «глобальную непрерывность повествования» (с. 85), преодолевающую квантовость речевого мышления писателя не только за счет специализированных лексических и грамматических маркеров текстообразования, но и за счет отработанных в практике текстопорождения способов композитного членения речевых произведений. Категория амбивалентности обоснована на материале антонимических блоков-композигов в дневниковой прозе М. Пришвина, в которых раскрывается особая духовно-практическая эпистемология автора, основанная на отображении единства противоположностей в сфере его предметно-эстетических и этических представлений о мире. Антонимический композит, равно как и композит вообще, рассматривается как минимальная структурно-семантическая единица текста, обладающая относительной автономностью, законченностью содержания и рамочным строением. Безусловно, заслуживают внимания и такие вводимые Е.И. Дибровой в научный оборот термины-понятия лингвистики текста, как «колюр» – пространство лексико-семантического кольцевого охвата главы произведения, его интродукции и эпилога (с дифференциацией полного и малого колюров), и «конвой» – интертекстуальные «вкрапления» в художественном тексте.

Ценной представляется развиваемая Е.И. Дибровой идея категоризации пространства художественного текста. Особо отметим такие «квазипространственные» категории, как «подтекст» и «надтекст». Если подтекст как наименование имплицитных выводимых из «открытого» текста смыслов уже получил права гражданства в понятийно-терминологической сфере лингвистики, то надтекст впервые обосновывается именно в трудах Е.И. Дибровой. «Надтекст – смысловое “пространство” читателя, предоставляемое ему произведением – открытым текстом и подтекстом, с одной стороны, и с другой, – собственными когнитивно-эмотивными возможностями, его рефлексией, общим культурным уровнем познания. Вживаясь в текст, читатель вносит в него свои смыслы, нередко сугубо личностные и не вытекающие непосредственно из содержания прочитанного, но обусловленные его собственным взглядом на жизнь» (с. 127).

Особый раздел в первом томе посвящен шолоховедению, в частности исследованиям языка М.А. Шолохова. Несколько статей в данном разделе написаны Е.И. Дибровой в соавторстве с ее учениками – молодыми кандидатами наук. В этих статьях раскрывается мастерство создания речевого портрета персонажей, импрессионизм пейзажей, лингвоэстетические механизмы одорической поэтики М.А. Шолохова. Для лингвистики безусловный интерес представляют разделы, посвященные общей характеристике понятия *текстема* и конкретному описанию текстом *Шлях и Степь* в свете этнической картины мира донского казачества, запечатленной в творчестве М.А. Шолохова. Введенное в научный оборот с целью упорядочивания лексикографического представления концептуально-смысловых доминант художественного мира писателя в «Словаре языка Михаила Шолохова» (М.: Азбуковник, 2005), понятие «текстема» получило у Е.И. Дибровой статус лексемы (в том числе и аналитического лексического комплекса) в ее особом текстовом воплощении. «Текстема – это слово или сочетание слов, встречающиеся в произведениях писателя в совокупности своих значений: в общеупотребительном прямом и переносном значениях и в собственно авторских, текстовых смыслах» (с. 303). Согласно Е.И. Дибровой, текстема конвенциональна, ибо она есть продукт коллективного бессознательного: «коллективное бессознательное – это своего рода природа и общественные формации, используемые и переработанные художественным образом в народном сознании» (с. 323). Безусловно, описание текстом по лексикографической методике, предложенной Е.И. Дибровой и реализованной в «Словаре языка Михаила Шолохова»,

служит развитию методологии семантического анализа концептосферы русского языка.

Во втором томе, имеющем отдельное название «Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста», содержатся исследования лексической и фразеологической семасиологии русского языка, синтаксической организации текста на уровне двучленных соединений самостоятельных предложений с союзами *а* и *но*, типологии лексикографического описания в русской словарной традиции.

Слово рассматривается Е.И. Дибровой как базовая номинативная единица языка, определяемая тремя системно-семантическими измерениями: парадигматическим, синтагматическим и эпидигматическим. Конститутивными признаками слова в русском языке признаются номинативность, информативность, индивидуальность лексического значения, материальность, воспроизводимость и структурная цельнооформленность, хотя говорится и о том, что «не все слова в равной степени обладают указанными конститутивными признаками» (с. 18). Подробно описаны в книге делимитации формальной и семантической сторон лексических и фразеологических единиц. В небольшом по своему объему разделе «Лексикография» представлены типология словарей, описание структуры словарной статьи в словаре общефилологического типа, характеристика трех основных разновидностей лексикографических дефиниций (описательной, синонимической, деривационной), дифференциация стилевых и стилистических помет.

Значительный теоретический интерес вызывает раздел «Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке». Дело в том, что в русистике вариантность фразеологизмов долгое время считалась процессом, определяемым случайными факторами, и таким свойством, которое отличает лишь отдельные фразеологические единицы. Е.И. Диброва доказательно опровергает эту точку зрения, показывая, что истоки вариантности лежат в генезисе фразеологических знаков, в том, каковы были семиолого-семантические механизмы, определившие эволюцию свободного синтаксического генотипа во фразеологизм. Определив смысл как психолингвистическую категорию, обуславливающую релятивность семантики слова и отражающую мотивацию косвенно-номинативного использования свободного словосочетания, автор показывает, что варианты фразеологизмов могли появиться в языке совершенно по разным причинам: в результате семиотической «компрессии» генетически разнородных сочетаний слов (ср. *носом не ведет, ухом не ведет, бровью не ведет* и т. п.), субституции компонента «гото-

вого» фразеологизма (ср. *стреляный воробей* и генетически первичное выражение – *старый воробей*), «снятия» парадокса именования (ср. *всасывать (впитывать) с молоком матери*). Более детально в книге рассмотрена лексическая вариантность фразеологических единиц, причем показано, что семантический механизм последней состоит в «давлении» на косвенно-номинативную составную единицу системно-парадигматических связей ее компонентов как лексических единиц. Поэтому Е.И. Диброва считает возможным разграничить лексические субституции на основе синонимического, тематического, гиперо-гипонимического и антонимического рядов. Особым вкладом в общую и русскую фразеологию является то, что Е.И. Диброва показывает, как путем семантического анализа вариантности фразеологических единиц можно обнаружить семантический механизм фразеологизации вообще. «Вариантность фразеологических единиц раскрыла внутреннюю “технология” образования устойчивой единицы: влияние постоянства ситуации, формирующего смысл и значение фразеологизма, внутренние семантические процессы, регулирующие отрыв устойчивости от свободной сочетаемости, протекают на семном уровне в процессах нейтрализации, деривации и стабилизации структуры и семантики фразеологических единиц» (с. 469–470).

У истоков становления синтаксиса текста в отечественной русистике стоял труд Е.И. Дибровой «Самостоятельные предложения, объединенные союзами *а* и *но* в современном русском языке» (1954), переработанный и значительно дополненный для рецензируемого издания. В 1955 году названная работа была отмечена академиком В.В. Виноградовым на Международном совещании славяноведов в Белграде как перспективное исследование. Опираясь на богатый речевой материал, автор показывает, что текстовые соединения самостоятельных предложений с союзами *а* и *но* далеко не во всем аналогичны сложносочиненным предложениям с теми же союзными маркерами. Текстовые структуры выражают более широкий круг смысловых отношений между предложениями, в частности в большей степени, чем сложносочиненные предложения, способствуют выражению присоединительной семантики, и в целом лучше интегрированы в структуру связного текста и с интонационно-просодической, и с коммуникативно-организационной, и с логико-делимитативной точки зрения. Е.И. Диброва обнаружила полный и частичный параллелизм строения сочиненных предложений в тексте, определяющийся лексико-грамматическими по своей природе «центрами сопоставления» в составе объединяемых

структур. В то же время текстовые конструкции с союзами *а* и *но* и сложносочиненные предложения с аналогичными средствами связи могут быть осмыслены как имеющие единый структурно-семантический инвариант, так как и те, и другие характеризуются бинарным набором предикативных конструкций, единой системой синтаксических дифференциаторов (или конкретизаторов) значения, общей таксисной и видо-временной парадигматикой, сходными субъектно-модальными коннотациями и др. Текстовые конструкции с союзами *а* и *но* относятся Е.И. Дибровой к минимально допустимой реализации композита в тексте.

В «Избранных работах по русскому языку» Е.И. Дибровой высказано и обосновано столько теоретически значимых для современной лингвистики идей, что, безусловно, возникает желание, с одной стороны, отметить хотя бы некоторые возможности их развития и обогащения в будущем, а с другой стороны, высказать отдельные критические соображения.

Прежде всего скажем о понятии «надтекста». Категоризация смысловой семиосферы читателя в термине-понятии «надтекст» заслуживает всяческой поддержки. Тем не менее трудно говорить о том, что методы исследования надтекста очевидны современному лингвисту, особенно работающему в рамках структурно-семантической парадигмы. Думается, что здесь не обойтись без психолингвистических экспериментальных методик исследования смыслового восприятия, интерпретации и понимания текста, поскольку без них лингвист вынужден оставаться только в рамках интроспекции, обедняющей его методологический аппарат.

Особого замечания металингвистического порядка заслуживает вводимый Е.И. Дибровой в научный оборот термин-понятие «текстема». По своей терминологической модели на *-ема* он призван отражать одну из так называемых эмических единиц, характеризующихся высшим уровнем абстракции. Однако, судя по употреблению этого термина в рецензируемом издании, он используется с целью обобщения

концептуально-лексических доминант творчества писателя, т.е. конкретных единиц реализации, наблюдаемых и непосредственно воспринимаемых в речи. Поэтому с точки зрения металингвистической абстракции текстема и, например, фонема или морфема – это далеко не однопорядковые сущности. Интересно отметить, что в лингвистике текста уже предпринимались попытки использовать термин «текстема» для обозначения абстрактных моделей сверхфразовых организаций связного текста или с целью обобщенного наименования типичных случаев структурного преобразования предложений для нужд текстообразования. Однако и в таком понятийном истолковании термин «текстема» не получил широкого признания. По-видимому, любое абстрагирование в сфере текста, каких бы единиц его строения оно ни касалось (лексических, как у Е.И. Дибровой, или синтаксических), не может быть отождествлено с абстракцией эмических единиц, а следовательно, и применение терминологической модели на *-ема* к единицам лингвистики текста представляется небесспорным.

Всячески приветствуя разработку такого элемента синтаксической формы текстового сочинения, как «центр сопоставления», незаслуженно забытого в русской синтаксической науке последних десятилетий, считаем необходимым отметить, что отдельные способы вербализации центров сопоставления, в частности антонимия, не могут считаться специализированными именно для выражения сопоставительных отношений. По-видимому, в организации центров сопоставления так же, как и на других участках текстообразования, представлено ядерно-периферийное распределение языковых маркеров.

Нет сомнений в том, что двухтомное издание «Избранных работ по русскому языку» Е.И. Дибровой найдет широкого читателя и будет полезно не только лингвистам, но и всем тем, кто любит и ценит русский язык.

В.А. Виноградов, К.Я. Сигал